

15. Fairbanks G. II. Case inflection in Indo-European // JIES. 1977. 5.
16. Meid W. Raumlliche und zeitliche Gliederung des Indogermanischen // Flexion und Wortbildung / Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
17. Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbal-systems // Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to Leonard R. Palmer / Ed. by Mopurgo A. 1976.
18. Lindeman F. U. La loi do Sievers et le debut du mot en indo-europeen // NTS. 1965. 20.
19. Edgren It. Palatal and labial vowels (i, r, u, ü) and their corresponding semivowels (<v>, v) // JOAS. 1885. 11.
20. Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897—1916.
21. Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. B., 1927—1932.
22. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern, 1959.
23. Hirt H. Indogermanische Grammatik. I—VII. Heidelberg, 1921—1937.
24. Pigott S. The earliest wheeled transport. L., 1983.

Леман У. Л.

Перевел с английского Чирикба В. А

Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции/Отв. ред. Гаджиева Н. З. М.: Наука, 1988. 238 с.

Серия публикаций Института языкознания АН СССР под общим заголовком «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей», посвященная теоретическому обобщению на современном уровне результатов исследований в области лингвистической компаративистики, была начата с обзора итогов сравнительно-исторических разработок по отдельным языковым семьям и языковым группам в мировой науке. Статьи двух вышедших в 1981—1982 гг. (и, к сожалению, в свое время не прорецензированных на страницах «Вопросов языкознания») томов [1,2] в совокупности охватили материал практически всех сколь-нибудь удовлетворительно изученных компаративистами генетических общностей, а в качестве авторов редколлегия в составе Н. З. Гаджиевой (ответственный редактор), В. К. Журавлева и В. П. Нерознака сумела привлечь наиболее авторитетных отечественных специалистов в соответствующих областях. Первый из томов с подзаголовком «Современное состояние и проблемы» составили обзоры по индоевропейским языкам (В. П. Нерознак), славянским языкам (В. К. Журавлев), балтийским языкам (В. П. Мажилис), иранским языкам (В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман), индоарийским языкам (Т. Я. Елизаренкова), армянскому языку (Э. Г. Туманян), тюркским языкам (Н. З. Гаджиева, Л. С. Левитская, Э. Р. Тенишев), монгольским языкам (Г. Д. Санжеев), финноугорским языкам (К. Е. Майтинская), картвельским языкам (Г. А. Климов), абхазо-адыгским языкам (М. А. Кума-

хов) и нахско-дагестанским языкам (М. Е. Алексеев). Во втором, имеющем подзаголовок «Задачи и перспективы» (различие подзаголовков чисто условно: и оценка современного состояния дисциплин, и вскрытие потенциалов их дальнейшего развития входили в задачи авторов обеих книг), были помещены очерки по таким языкам, как санскрит (Т. Я. Елизаренкова), анатолийские (Вяч. Вс. Иванов), греческий (О. С. Широков), кельтские (В. П. Калыгин, А. А. Королев), германские (Н. С. Чемоданов), романские (Б. П. Нарумов), албанский (В. П. Нерознак), тунгусо-маньчжурские (И. В. Кормушин), сино-тибетские и австро-тайские (И. И. Пейрос), дравидийские (М. С. Андронов), австронезийские (Ю. Х. Сирк), океанийские (В. И. Беликов), афразийские (В. Я. Порхомовский), чадские (В. Я. Порхомовский), банту (Н. В. Охотина).

В таком составе первые два тома серии позволяют оценить уровень, достигнутый к началу 80-х годов сравнительно-историческими исследованиями по различным индоевропейским и неиндоевропейским языкам, войти в курс основной исследовательской проблематики. Многие из очерков служат в дополнение к этому чрезвычайно полными библиографическими указателями (в других случаях, напротив, отсутствуют серьезные лакуны — ср., например, отсутствие упоминания книги Н. Поппе [3] в монгольском разделе), содержат новые разработки по генетической классификации языков (В. П. Нерознак, И. И. Пейрос) и по отдельным вопросам сравни-

тельной грамматики (М. Е. Алексеев, Вяч. Вс. Иванов, М. С. Андронов), создают историко-научные концепции «смены парадигм» в развитии рассматриваемых компаративистических дисциплин (В. К. Журавлев и др.).

Рецензируемая книга является третьей в этой серии публикаций и имеет своей задачей «обобщить имеющийся в современном языкознании опыт разработок в области основной процедуры компаративистики — реконструкции, показать теорию реконструкции на материале различных языковых семей мира» (с. 25). С такой оценкой значимости реконструкции в компаративистике можно полностью согласиться, особенно если иметь в виду двуединство двух процедур реконструкции — с одной стороны, асцендентной реконструкции праязыков, с другой стороны, дисцендентной реконструкции лингвистической истории языков-потомков. Обоим этим аспектам в книге уделено достаточное внимание.

Особую ценность новому изданию придает присущая большинству статей ориентация на освещение дискуссионных проблем в теории (а отчасти и в практике) лингвистической реконструкции, с изложением аргументов в пользу определенного подхода к решению этих проблем. Неоднократно и в различных ракурсах обсуждаются фундаментальные вопросы о когнитивном статусе праязыка и реальности праязыковых реконструкций (с. 27–33, 39, 42–43, 92–93, 157–158), о множественности сравнительно-исторических решений (с. 17–20, 89–90, 200), о соотношении результатов внешней и внутренней реконструкции (с. 5, 9–11, 20, 26, 68–90), о значимости типологической верификации (с. 11–15, 20, 145–157, 159–160), о древности кентум-сатемовой изоглоссы в индоевропейском (с. 18–19, 61–67, 77, 94) и др. Можно отметить, что внутри авторского коллектива, объединившего многих высокоавторитетных специалистов по лингвистической компаративистике, нет полного единства во взглядах и оценках, в том числе и в отношении названных выше вопросов. Так, тезису В. К. Журавлева о приоритете внутренней реконструкции относительно внешней («при наличии расхождений между выводами внешней и внутренней реконструкции следует отдавать предпочтение относительной хронологии, основанной на данных внутренней, даже если данные внешней реконструкции подкреплены абсолютной хронологией» — с. 90) фактически противопоставляется более взвешенный подход В. П. Нерознака (с. 26) и других авторов, с полным основанием исходящих из того, что адекватным может быть только такое реконструктивное ре-

шение (будь то в сфере относительной хронологии или в какой-либо иной сфере), которое не противоречит данным ни внутриязыкового, ни межкузкового сравнения. По-разному оценивают, по-видимому, генетическую значимость типологических сходств между алтайскими языками А. Рона-Таш (с. 112) и В. А. Виноградов (с. 162). Такая ситуация вполне естественна и несомненно допустима в рамках коллективной монографии, цельность которой обеспечивается не стерильной унитарностью концепции, а полнотой и многоаспектностью охвата исследуемой темы.

Дух направленной вовне, а отчасти и внутренней, полемики, который характерен для рецензируемой книги, предоставляет и рецензенту основания сосредоточиться не на пересказе ее богатого концептуального и фактографического содержания, а на обсуждении отдельных спорных, стимулирующих дальнейшую полемику, положений.

Введение (авторы Н. 3. Гаджиева, В. К. Журавлев, М. А. Кумахов, В. П. Нерознак) предлагает общий обзор современных проблем теории реконструкции, обосновывая выбор тем для более детального рассмотрения в последующих разделах. Интересен выделяемый перечень фундаментальных особенностей современной компаративистики: системный принцип в реконструкции, смещение интереса с внешней реконструкции на внутреннюю, увеличение удельного веса типологии в сравнительно-исторических исследованиях, переход от статической реконструкции к динамической (т. е. такой, которая учитывает развитие реконструируемой системы праязыка во времени и пространстве), расширение хронологических рамок реконструкции, множественность возможных решений конкретных задач реконструкции. Впрочем, с включением последнего параметра согласиться трудно. Он иллюстрируется рядом примеров сосуществования в современной индоевропистике взаимоисключающих точек зрения по отдельным вопросам. Но такой разноречивый — типичная «болезнь роста», появившаяся отнюдь не в наши дни и не в одной только компаративистике. Нормальный путь научного прогресса — устранение такого разноречия либо путем отказа от оказавшихся несостоятельными версий, либо за счет использования таких объяснений, которые снимают взаимоисключение. Представляется, что именно такой подход к «множественности решений» согласуется с вводимым В. П. Нерознаком разграничением праязыка как существовавшей в прошлом лингвистической реальности и праязыковой модели как развивающейся модели знания (с. 42), с фор-

мулировкой И. В. Кормушина, согласно которой праязык — «абсолютная реальность как онтологическая данность, тогда как его гносеологическая реальность относительна» (с. 92). С этой точки зрения выделение «множественности решений» в одном ряду с важнейшими методологическими принципами компаративистики не представляется приемлемым. Заметим, что на с. 200 достаточно миролюбивое отношение к неединственности решений — в данном случае этимологических — выражает и О. Н. Трубачев. Это можно понять, поскольку в обширной этимологической литературе для многих слов можно отыскать по три, по пять, по десять различных объяснений (каждое из которых может быть в чем-то привлекательным). И все же это не должно было бы затемнять существо вопроса, а состоит оно в том, что у каждого слова этимология ровно одна и тождественна реальной истории слова. Данное обстоятельство очень вредит тем этимологическим решениям, которым при их несомненной красоте и привлекательности в качестве отправных точек для широких культурно-исторических обобщений недостает только правильности...

Очень важной является содержащаяся во введении (с. 21–22) критика унификационного подхода к праязыковой реконструкции, предполагающего, что праязык был устроен неким особо регулярным и логичным образом — например, использовал единую фонотактическую модель корня или основы. Конкретным объектом этой справедливой критики оказывается концепция диахронической первичности модели CV как единственной модели западнокавказского корня. Однако сходные возражения можно высказать и в адрес схемы Э. Бенвениста в индоевропеистике или представлений о том, что в уральском праязыке корни были построены по единым моделям (CVC/CV (у знаменательных слов) и (CV (у служебных слов и местоимений).

В разделе «Праязык: реконструкция или реальность?» (решение этой дилеммы упоминалось выше) В. П. Нерознак рассматривает и оценивает разные теории праязыка, в большей ИЛИ меньшей мере противостоящие схеме А. Шлейхера. Далее автор останавливается на проблеме достаточности оснований у праязыковых реконструкций применительно к гипотезам родства на уровне макросемей. Несомненно справедливое положение о том, что «проблемы глоттогенеза, происхождения человеческой речи, относятся к антропологическому циклу (социоантропология и этноантропология) и не могут быть разрешены чисто лингвистическими средствами» (с. 33), В. П. Нерознак использует, для обоснования принципиального

скепсиса в отношении ностратики и других теорий, связанных с изучением праязыковых состояний, большой хронологической глубины (с. 36; ср. также с. 16). Но обоснование содержит две существенные неточности. Во-первых, ностратика приравнивается к гипотезе А. Тромботти и его современных последователей о единой глобальной языковой семье (рецензенту уже приходилось комментировать это, к сожалению, довольно распространенное недоразумение, см. [4, с. 76–77]). Во-вторых, гипотеза о глобальной семье, о происхождении всех языков мира от общего языка-предка — гипотеза моногенеза (которая в принципе подлежит доказательству или опровержению чисто лингвистическими средствами, пусть даже и в очень отдаленном будущем) — исподволь объединяется автором с глоттогенетическими построениями и тем самым выводится за рамки лингвистики.

Такая же подмена объекта критики происходит и тогда, когда В. П. Нерознак с полным на то основанием (и с соблюдением академической сдержанности) квалифицирует разysкания Н. Д. Андреева в области бореального праязыка [5] как «фантастические» и «анекдотические», но в то же время фактически ссылается на них как на свидетельствo некорректности реконструкций большой хронологической глубины вообще (с. 36–37).

Помимо этого, свою критическую оценку ностратики, а также сино-кавказской гипотезы С. А. Старостина автор раздела подкрепляет ссылками на «антиностратические» выступления Б. А. Серебряникова, П. Хайду, Г. Дёрфера, А. М. Шербака, М. С. Андронова, Г. А. Климова. Хотелось бы, однако, отметить, что эти выступления не явились последним и решающим словом в дискуссии, см. [4, 6, 7].

Завершается статья В. П. Нерознака полемическим разбором балтоцентрической модели индоевропейского языкового состояния по В. Шмиду [8].

В разделе «Реконструкция праязыковых изоглоссов общиндоевропейского диалектного континуума» О. С. Широков излагает лингвистические обоснования для выделения трех ареальных зон этого континуума — юго-восточной (греко-армяно-арийской), юго-западной (итало-кельтской) и северной (германо-балто-славяно-албанской), а также указывает вероятные историко-археологические корреляты каждой из этих зон. С юго-восточной диалектной индоевропейской общностью предположительно идентифицируется серия поздненеолитических раннехалколитических культур, протянувшаяся в IV тыс. до н. э. от нижнедунайского левобережья и Добруджи через приднепровские, приднепровские и крымские степи (нижнеми-

хайловская и кемиобская культуры) в Приазовье (культуры мариупольского круга) и далее за Дон до северо-западно-Кавказа (новослободненская культура). Юго-западная общность связывается с продвижением в III тыс. до н. э. вверх по Дунаю и его правым притокам пастушеско-земледельческих культур, для которых исходной областью была Среднедунайская низменность (тисапольгарская, бодроккерестурская и печельская культуры в Венгрии, банатская и мондзейская в Австрии, костолаская и вучедольская в Югославии, альтгеймская в Южной Баварии). Для северной диалектной общности предполагается существование в IV — начале III тыс. до н. э. на территории Северогерманской и Восточнопольской низменностей — в исходной области формирования и экспансии поздненеолитических и халколитических культур воронковидных кубков и шаровидных амфор. Вне этой схемы ареальных зон остаются хетто-лувийские языки, отделение которых предшествовало данному трехчленному делению, и тохарская (или, как у автора, «псевдотохарская» — агнеокучанская) группа.

Возникает, однако, — как и всегда в подобных случаях — вопрос, достаточны ли предоставляемые лексикой данные о культуре праязыковых общностей для столь конкретной археологической «привязки». В частности, приведенный на с. 53 перечень греко-арийских лексических соответствий, который призван характеризовать экономический, социальный уклад и религиозные представления индоевропейцев юго-восточной диалектной зоны, почти целиком состоит из общеиндоевропейских слов, известных и за пределами этой зоны (названия крупного рогатого скота, коня, оси, ярма, меда, термины родства и т. д.). Такой перечень, возможно, пригоден (хотя и без оговорок) для того, чтобы не признавать индоевропейскими поздненеолитические культуры юга Балкан (с ведущей ролью мотыжного земледелия, а не скотоводства, и с почитанием женских божеств-прародительниц), но явно не для того, чтобы отграничить предков греко-армяно-ариев от прочих индоевропейцев.

О. С. Широков безоговорочно относит (вслед за Ю. В. Окупишниковым) язык карийцев к греко-фракийской языковой группе (с. 53; см. также [2, с. 56]); это утверждение представляется по меньшей мере неосторожным в свете результатов В. В. Шеворошкина (в частности, его доклада на прошедшей в мае—июне 1989 г. в Москве конференции «Лингвистическая реконструкция» и древнейшая история Востока) и мнения многих других исследователей, признающих хетто-лувийский характер карийского языка, см. [1, с. 11].

Автор раздела «Внутренняя реконструкция» В. К. Журавлев в целом, как уже отмечалось выше, склонен вслед за Е. Куриловичем [9] противопоставлять внутреннюю реконструкцию как «чисто лингвистическую» внешней реконструкции и другим методам традиционной компаративистики. Если на практике такой подход¹ чреват, очевидно, издержками и потерей информации, то в монографии теоретического характера он, во всяком случае, позволяет четко обрисовать принципы и возможности внутренней реконструкции. На многочисленных примерах из славянской и индоевропейской исторической фонетики эксплицируются в статье понятия фонетического закона, архетипа, относительной хронологии, конвергенции и дивергенции, нейтрализации, системности в реконструкции. Среди этих экскурсов задерживает на себе внимание идея о связи и.-е. $\hat{n}$ -mobile с предполагаемым автором наличием у *s аллофона

* $\hat{s}$ -, однако она нуждалась бы в более тщательном обосновании (логика системной реконструкции осталась в данном случае для меня неясной).

Ряд важных теоретических положений В. К. Журавлев формулирует, как кажется, излишне категорически. Так, полемически абсолютизируется роль имманентного фактора в фонологическом развитии: «Фонологическая система языка, как учил основоположник фонологии, уникальна. Только этим и можно объяснить специфику процессов фонологизации в родственных языках» (с. 80). Получается, что ход дальнейшего дивергентного развития жестко «запрограммирован» теми различиями, которые уже имеются в фонологических системах родственных языков. Но тогда оказывается непонятным, как могли вообще появиться эти различия, как единая (и уникальная) фонологическая система общего языка-предка вместо того, чтобы развиваться предопределенным ее спецификой образом, смогла расщепиться на несколько нетождественных систем. Здесь налицо ограниченность имманентного подхода; по справедливому замечанию А. Рона-Таша в другом разделе книги, «необходимо помнить, что объективная действительность может вторгаться в систему языка и изменять ее как косвенно (через сознание), так и непосредственно. А если это так, то при реконструкции языковых изменений отвлечение от внешнего мира, от экстралингвистических факторов невозможно» (с. 108).

Вряд ли столь абсолютна и непреложна связь конвергенции и дивергенции, как это формулирует В. К. Журавлев (с. 78; кстати, в статье Е. Д. Поливанова, на которую дается ссылка [10], фонетиче-

ские конвергенции рассматриваются вне такой связи). Если для фонологизации результатов фонетической дивергенции обычно действительно необходим какой-либо конвергентный (или редуктивный) процесс, то конвергентное слияние фонем нередко выступает как изолированный факт историко-фонетического развития.

Спорным представляется и тезис о том, что «чем больше объем эмпирического материала и точнее методы хронологизации, тем больше размах „точной“ датировки праязыковых процессов» (с. 89). Как и у В. П. Нерознака (см. выше), в данном случае фигурирует ссылка на Н. Д. Андреева, перенесшего праиндоевропейскую эпоху в XV–X тыс. до н. э., ссылка некорректная, поскольку «раннеиндоевропейский праязык» этого автора [5] ни малейшего отношения к кругу идей, понятий и результатов индоевропеистики не имеет.

Можно пожалеть и о том, что при обсуждении В. К. Журавлевым вопросов относительной хронологии оставляется без внимания такой важнейший в компаративистической практике материал, как данные заимствований из реконструируемого языка, которые в удачных случаях могут служить решающим аргументом при определении последовательности историко-фонетических процессов (ср., например, значение заимствований в финно-угорские языки и славянские топонимии Гречии для славистики).

И. В. Кормушин в разделе «Праязык: ближняя и дальняя реконструкция» освещает, преимущественно на тюркском материале, такой подход, при котором ближняя реконструкция праязыкового состояния опирается главным образом на внешнее сравнение, тогда как дальняя реконструкция праязыка (или реконструкция протоязыка) проводится преимущественно внутренне-реконструктивными приемами и ориентирована на поиск следов качественного преобразования грамматических категорий. Презумпцией этого подхода фактически является разграничение «новой» эпохи распада и дивергентного развития праязыковых общностей и «древней» эпохи становления праязыков. Более того, фиксируется хронологический рубеж этих эпох: «Существование праязыков относят к эпохе производящих обществ на стадии раннеметаллических культур (скажем, индоевропейского ПЯ — в пределах VII–V тысячелетий до н. э. в разных гипотезах..., уральского ПЯ — не позднее IV тысячелетия до н. э....)» (с. 93). Довольно очевидно, что соотнесение праязыков с определенной стадией эволюции человеческих обществ крайне условно (ср. тюркский праязык — I тыс. н. э., монгольский праязык — начало II тыс. н. э., афра-

зийский праязык — не позднее VIII–VII тыс. до н. э.). Но не меньшей условностью выглядит и сам принцип поиска именно в праязыке (а не в современном его потомке, или в его предке, существовавшем еще несколько тысячелетий назад) прямых признаков качественного преобразования грамматических категорий. В частности, И. В. Кормушин, обращаясь к дальней реконструкции тюркского протоязыка, оспаривает концепцию происхождения прилагательных от существительных и акцентирует внимание на глубинных морфологических связях прилагательного с глаголом. Но ведь имеется и третья, наиболее простая и естественная, возможность: как и большинство языков мира, тюркский праязык, а равным образом и все его протосостояния на протяжении многих тысячелетий и даже десятков тысячелетий, располагал разрядом слов, употреблявшихся в функции примененного атрибута, и этот разряд не возникал и не исчезал, а лишь по мере необходимости пополнялся и за счет атрибутизации существительных, и за счет адъективизации причастий.

Следует подчеркнуть, что в этом разделе И. В. Кормушин выступает в качестве представителя взглядов очень значительного, активно развиваемого не только в тюркологии, но также в индоевропеистике, уралоистике и других областях сравнительно-исторического языкознания направления исследований, которое ориентировано на углубление праязыковой реконструкции за те разумные пределы, которые задаются данными внешнего сравнения родственных языков. Скептическое отношение рецензента к работам этого плана обусловлено принципиальной непроверяемостью их результатов, и наличие ряда остроумных и ярких гипотез не меняет сути дела.

Выше уже цитировалось credo А. Рона-Таша в разделе «Реконструкция и экстралингвистические данные», где подчеркивается зависимость реконструктивных решений в первую очередь от исторических данных. Одно из положений автора дает повод обратить внимание и на зависимость обратного характера. Касаясь известного вопроса об исходном качестве фонемы, к которой восходит з современных тюркских языков, А. Рона-Таш считает этот вопрос второстепенным. «Можно представить ее как /*ʃ*/ или /*z*/, главное — она отличалась от другой, „нормальной“ фонемы /*r*/». Спор должен быть разрешен в пользу /*z*/, но для истории тюркских языков существенна не фонетическая сторона дела, а то, что в группе Б (булгарской группе.— *Х. Е.*) была снята прежняя фонологическая оппозиция» (с. 110). В действительности избранное решение в пользу /*z*/ оказывается

далеко не фонетической условностью: поскольку в самодийских и монгольских языках присутствуют тюркизмы с г на месте тюрк. г, данное решение заставляет А. Рона-Таша в других его работах считать эти тюркизмы заимствованными из языка булгарского типа, а следовательно, придерживаясь версии о былом широком распространении такого языка в Центральной Азии и Южной Сибири (хотя реально булгарские языки известны только в Европе). Напротив, противоположное решение в пользу *г или *з (именно оно представляется мне адекватным, см. [4, с. 70—71]) делает данную этно-историческую гипотезу излишней.

Трудно согласиться и с предположением о том, что венгерские названия частей тела тюркского происхождения были заимствованы у тюрков в составе животноводческой лексики, будучи первоначально терминами анатомии животных (с. 108). В частности, нет оснований выводить из сферы человеческой анатомии венг. *kag* «рука (arm)», поскольку и у соответствующих тюркских слов (*qar*, *qarl*, ср. также монг. *yaz*) абсолютно доминирует то же значение (см. материал в [11]).

Раздел «История языка, письменности и письменные памятники» (автор Д. Кара), построенный на материале монгольских систем письма, и раздел «Филологические методы в исследовании истории кельтских языков» (автор А. А. Королев) интересны и очень информативны сами по себе, но с теоретической проблематикой праязыковой реконструкции связаны лишь косвенно. Серия историко-фонетических и историко-морфологических примеров, иллюстрирующих качественные различия между реконструируемыми и реально наблюдаемыми состояниями, составляет раздел «Реконструкция по косвенным данным» (автор Б. А. Серебренников).

Т. В. Гамкрелидзе в разделе «Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция» подчеркивает значение принципа системности и в то же время предостерегает против крайностей этого принципа, ведущих, в частности, к попыткам заполнения «пустых клеток» в реконструируемой системе при отсутствии на то данных внешнего сравнения. Требования о соответствии праязыковой системы данным синхронной типологии, а реконструируемого процесса порождения систем в языках-потомках — данным диахронной типологии автор обсуждает главным образом в связи с глоттальной теорией, радикально реинтерпретировавшей индоевропейский консонантизм. Существенное место в разделе занимает полемика с исследователями, которые отклоняют глоттальную теорию или прини-

мают ее с серьезными оговорками и модификациями (Х. Хайдер, А. Эрхарт, Г. Б. Джаукян, Дж. Дункель).

В то время как Т. В. Гамкрелидзе возражает против употребления термина «типологическая реконструкция» в отношении исследований, связанных с верификацией возможных вариантов реконструкции на основе эмпирических данных типологии (с. 152), В. А. Виноградов в разделе «Типологическая реконструкция» (который в силу своей преимущественно синхронно-типологической ориентации несколько выпадает из сборника, посвященного теории реконструкции) применяет тот же термин для обозначения принципиально иного направления, ориентированного на изучение отношений преемственности между языковыми типами, ср. [12]. В наиболее глобальном виде данное направление представлено «контенсивной типологией» Г. А. Климова, к идеям которой В. А. Виноградов подходит довольно критично, — в частности, оспаривая однонаправленность развития от эргативности к аккузативности (с. 176) и демонстрируя трудности с предложенной Г. А. Климовым контенсивно-типологической квалификацией языков банту (с. 177—180).

По мнению автора, некоторые явления современного словообразования, а также фонетики русского языка предвосхищают сдвиг русской морфемике в сторону агглютинации. С этим мнением трудно согласиться не только из-за периферийности этих явлений, но главным образом потому, что чрезвычайно трудно представить себе сдвиг языка от фузионного типа к агглютинативному непосредственно — минуя промежуточную фазу аналитизма. И в данном случае, и при оценке ряда других рассматриваемых в разделе феноменов следует учитывать, что совмещение признаков разных грамматических типов присуще всем языкам мира, и такое совмещение признаков, их конкуренция могут быть стабильной чертой языковой статике, а вовсе не указывать на динамическую тенденцию перехода от одного типа к другому.

«Соотношение приемов сравнительно-исторических и ареальных исследований при реконструкции» — тема раздела, написанного Н. З. Гаджиевой. Здесь подчеркивается (как и у О. С. Широкова) роль ареального фактора в формировании генетических субединиц; в частности, важным для тюркологии является положение о бесперспективности реконструкций кыпчакского или огузского праязыков: «кыпчакские и огузские языки образовались не путем распада какого-то единого языка, а путем „отстаивания“ либо огузских, либо кыпчакских черт в определенных географических зонах»

(с. 182). Интересной, хотя и не бесспорной, представляется мысль о «зонах вибрации», где в условиях контактирования диалектов имеет место непоследовательность в проявлении фонетических законов.

Неточна формулировка Н. З. Гаджиевой, в которой отрицается роль языковых контактов в образовании глубоких сходств между системами прошедших времен в чувашском, татарском, башкирском и некоторых финно-угорских (марийский, пермские) языках (с. 186). Если даже в тюркских языках эти системы представляют собой архаическое наследие, то применительно к финно-угорским языкам тюркское (булгарское) влияние на системы прошедших времен не вызывает сомнений, ср. [13]; Б. А. Серебренников подчеркивал значение тюркско-финно-угорских контактов как фактора сближения и консервации глагольных систем в контактировавших языках [14].

Э. Г. Туманян («Системность трансформации индоевропейских архетипов как критерий их одноплоскостного существования») показывает, что однотипные индоевропейские словообразовательные суффиксы дают однотипные же рефлексы в армянском языке; системность и регулярность трансформации служит гарантом корректности традиционной индоевропейской реконструкции, проецирующей соответствующие архетипы на одну хронологическую плоскость.

Монографию завершает раздел «Приемы семантической реконструкции» (автор О. Н. Трубачев). Основоположающий тезис автора — «углубленное понимание значения есть... уже тем самым его реконструкция» (с. 198) — фактически откладывает приоритет в семантической реконструкции внутренне-реконструктивному подходу, причем в очень субъективном его воплощении (что признает и сам О. С. Трубачев, см. с. 200), поскольку на практике «углубленно понять значение» значит догадаться, за каким именно из множества частных значений, комбинационных связей, аллюзий и ассоциаций определенного слова кроется его первоначальная семантика. Нельзя не отдать должное тем интереснейшим результатам, которые могут быть достигнуты на этом пути, — здесь я имею в виду в первую очередь этимологические исследования В. Н. Топорова. Но не менее очевидны и издержки, которые может нести с собой универсализация данного приема в качестве основы семантической реконструкции; в частности, в статье О. Н. Трубачева серьезные сомнения вызывают реконструкции исходной семантики слав. **peu* «*совершать возлияния (божеству), поить» и **jbzgojb* «*иждивенец». Рискую

быть обвиненным в примитивности и консерватизме, я все же отдал бы приоритет в семантической реконструкции традиционному «большинству голосов» внешнего сравнения (с надлежащим учетом, разумеется, типологии семантического развития и культурно-исторической перспективы).

Суммируя сказанное, можно констатировать, что в значительной части своих разделов рецензируемая книга не столько излагает сложившуюся в лингвистике теорию реконструкции (но она и не призвана служить учебным пособием для начинающих компаративистов — этой цели скорее отвечают «Принципы истории языка» Г. Пауля и «Язык» Л. Блумфилда, которых, кстати, даже не оказалось в списке литературы), сколько адекватно отражает современные тенденции пересмотра и модернизации этой теории. У рецензента уже давно сложилось убеждение, что гиперпрофилированное использование новых методов и подходов в ущерб более традиционным («младодиаграмматическим») скорее обедняет компаратистику, нежели выводит ее на более высокий уровень; этим и обусловлен подчеркнутый полемический характер многих сделанных в рецензии комментариев.

Хочется надеяться, что в конечном счете они послужат той же цели, что и рецензируемая книга, которая на самом высоком уровне обеспечивает читателя данными для содержательного понимания и универсальных, и альтернативных теоретических принципов лингвистической реконструкции. Остается выразить желание, чтобы издание серии «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей» было успешно продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. М., 1981.
2. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. М., 1982.
3. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies // MSFOu. 1955. 110.
4. Хелимский Е. А. Решение дилеммы пратюркской реконструкции и ностратика // ВЯ. 1986. № 5.
5. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
6. Дыбо В. А. От редактора // И лич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (р — q). М., 1984.
7. Хелимский Е. А. Труды В. М. Илич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом // Зарубеж-

- ная историография славяноведения и балканистики. М., 1986.
8. Schmid W. P. Indogermanistische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Abh. der Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz, 1978. № 1.
9. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.
10. Поливанов Е. Д. Фонетические конвергенции // ВЯ. 1957. № 3.
11. Дыбо А. В. К истории традиционных

- антропометрических терминов (средне-азиатская мера длины *qari* и др.) // СТ. 1989. № 1.
12. Климов Г. А. К типологической реконструкции // ВЯ. 1980. № 1.
13. Bereczki G. A Volga-Kama-videk nyelveinek arealis kapcsolatai // Arealis nyelvek tanulmányok. Бр., 1983. 219. 1.
14. Серебrenников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Хелимский Е. А.

Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллекзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. 201 с.

Проблемы типологии языковых категорий в последние десятилетия все более выдвигаются на первый план лингвистических исследований. К сожалению, основное внимание в этих исследованиях, как правило, уделяется универсалиям в области фонологии, морфологии, морфологии и синтаксиса. Универсалии же на лексико-семантическом уровне остаются как бы в тени, если не считать весьма робких единичных попыток частных обобщений в этой области [1—5].

Рецензируемая монография М. М. Маковского в известной мере восполняет этот пробел. Основной частью рассматриваемой работы является «Краткий сравнительно-семасиологический словарь индоевропейских языков» (гл. 2, с. 35—195). Ему предпослана небольшая теоретическая глава «Слова, слова, слова...» (с. 5—34), в которой выдвигаются весьма интересные и смелые гипотезы. Так, автор предлагает различать внешнюю и внутреннюю семиотику; внешняя семиотика — это средства языкового осуществления коммуникативного акта между говорящими; внутренняя семиотика описывается следующим образом: «... определенные элементы языка, комбинируясь друг с другом в бесконечных качественно и количественно неодинаковых последовательностях, создают определенный текст „генетической“ информации, который регулирует и прогнозирует возможные и невозможные, обязательные и не обязательные пути существования, сосуществования и эволюции отдельных звеньев языкового механизма, накладывают „запреты“ на одни участки языкового пространства и снимает их с других» (с. 7). Иными словами, «та или иная языковая схема (она может охватывать

как определенные, так и самые различные лексические и семантические единицы) задает алгоритм, т. е. структурное моделирование отдельных участков языкового пространства в пределах того или иного временного отрезка существования языка» (с. 7).

Вместе с тем автор указывает, что эволюция языка на различных этапах его существования имеет неодинаковые качественные и количественные характеристики, что в свою очередь является следствием изменения внутренней семиотики. Он пишет: «...в одни исторические периоды (обычно наиболее ранние, на заре становления человечества) имеются неограниченные языкотворческие возможности, в другие периоды они ограничиваются (на них в той или иной мере накладывается „запрет“) или же сводятся к минимуму. С другой стороны, в более поздние периоды существования языка проявляются наиболее сложные формы взаимодействия языковых элементов... Интересно, что в социальных диалектах нередко повторяются языкотворческие потенции, характерные для наиболее ранних периодов существования языка» (с. 10). И далее: «Неразличенность значений, широкое развитие многозначности, при которой в пределах одного слова объединяются значения, не имеющие между собой ничего общего (по крайней мере чисто внешне), характерны именно для ранних стадий развития языка. В более поздние периоды существования языка появляются более „утонченные“ способы образования значений (например, метафоризация), а отдельные слова, значения которых были связаны между собой, настолько отделяются друг от друга, что становятся разными словами, чье род-